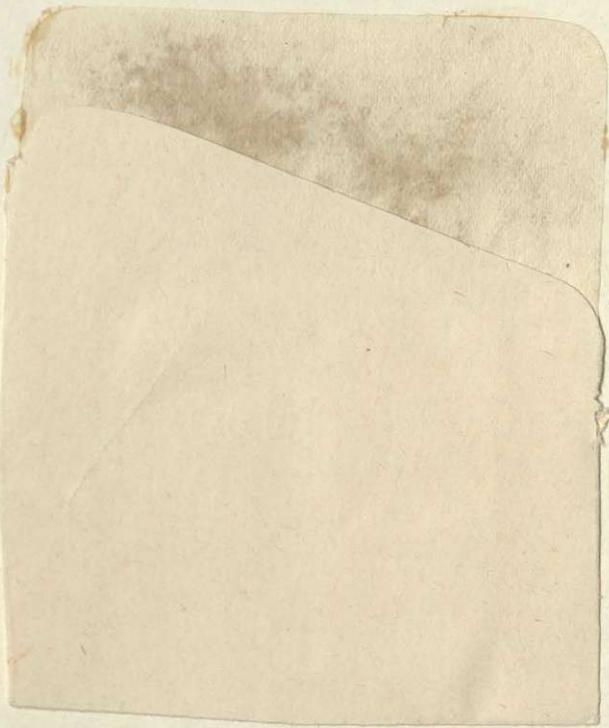


XVI $\frac{45}{10}$ r. 3

1909-10

I-10 x̄I-III



XVI 45
1020.

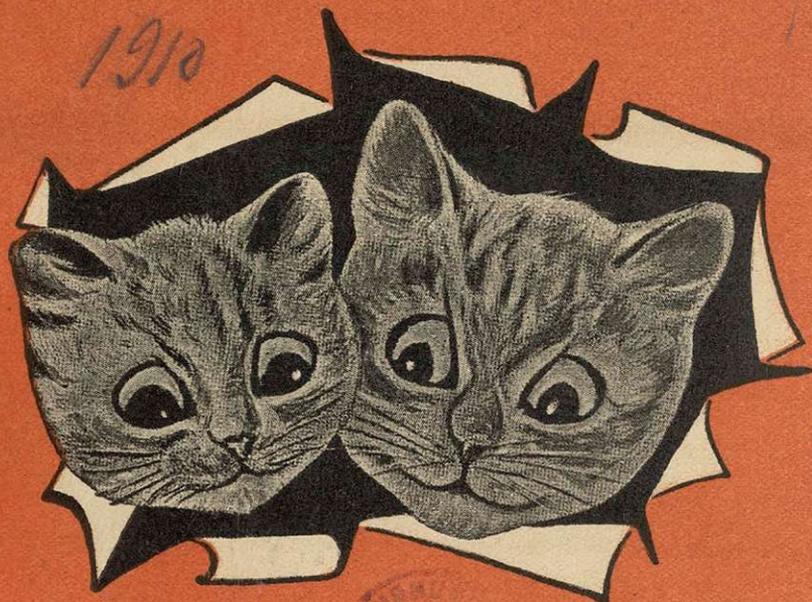
1910

Годъ изданія третій

НОЯБРЬ.

№ 1.

1909.



ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ЗАЙЦЫ.
ГЛУБОКАЯ ОСЕНЬ.
НА ЗАРЬ НОВОЙ ЖИЗНИ
(повѣсть).
ЗИМНЯЯ КАРТИНКА.
БАБОЧКИ (сказка).
ШУТОЧНЫЕ ВОПРОСЫ, ГОЛО-
ВОЛОМКИ, РЕБУСЪ.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Древне-римская колесница для
склеиванія.



№ 1. Ноябрь, 1909.

Годъ изданія III-й.

Два раза въ мѣсяцъ.

Золотое Дѣтство

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.



Конецъ зайкъ!

ЗАЙЦЫ.

Была морозная, лунная ночь. Снѣгу навалило столько, что онъ доходилъ до самыхъ оконъ нашего дома и покрывалъ собою нижнія вѣтви яблонь, которыя росли въ нашемъ саду. Было такъ свѣтло, что на далекое пространство можно было увидѣть малѣйшую вѣточку, торчавшую изъ-подъ снѣга. Я стоялъ у окна и любовался этою ясной ночью, какъ вдругъ увидѣлъ, какъ по саду проскакали четыре зайца, стали на заднія лапки, потомъ запрыгали снова, перекувырнулись черезъ головы и начали играть. Наигравшись, они стряхнули съ себя снѣгъ и, подбѣжавъ къ яблонѣ, стали обглаживать на ней нижнія вѣтви.

— Погодите же плутишки, погрозили я имъ въ окно.—Это вамъ такъ даромъ не пройдетъ!

И, дѣйствительно, почти тотчасъ же со двора прибѣжали наши собаки и съ громкимъ лаемъ бросились на зайцевъ. Они прыгнули въ разныя стороны, собаки кинулись за ними, погнавши ихъ и скоро совершенно скрылись изъ сада. Прошло минуты три и я увидѣлъ, какъ нашъ Шарикъ возвращался обратно и во рту у него было что-то большое. Я приглядѣлся и замѣтилъ, что это былъ заяцъ. Оказалось, что Шарикъ поймалъ одного изъ зайцевъ и несъ его къ себѣ на дворъ, чтобы съѣсть. Я

одѣлся, выбѣжалъ на дворъ и кликнулъ къ себѣ Шарика. Онъ подошелъ ко мнѣ и самодовольно замахалъ хвостомъ. Заяцъ былъ еще живъ и шевелился у него въ зубахъ.

— Бѣдный зайчика! сказалъ я и вынулъ его изъ пасти собаки.

Шарикъ послушно отдалъ мнѣ его и я внесъ его въ домъ и положилъ его въ уголокъ въ своей комнатѣ. Заяцъ былъ только помятъ и скоро пришелъ въ себя и, нахохлившись, забился въ уголокъ и такъ и просидѣлъ тамъ до утра. На утро онъ былъ уже совсѣмъ здоровъ. Я принесъ ему капусты, онъ поѣлъ немного, пошевелилъ ноздрями и больше уже не ѣлъ ничего до самаго вечера. На слѣдующіе дни онъ совершенно отказался отъ пищи, не смотря на то, что я приносилъ ему и морковки, и петрушки, которыя онъ особенно любитъ. Я даже сталъ опасаться, что онъ у меня издохнетъ, и не зналъ, что ему предложить.

— А вы покормите его сѣномъ и овсомъ, сказалъ мнѣ нашъ работникъ Григорій.—У насъ и все ребята на деревнѣ зайцевъ выкармливаютъ овсомъ да сѣномъ; а отъ зелени и овощей зайцы въ неволѣ скоро умираютъ.

Я приказалъ принести овса и едва только мой заяцъ увидѣлъ его, какъ тотчасъ же подбѣжалъ къ нему и

КНИГА ИМЕЕТ:

1058

Листов Печати.	Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ списка и порядковый	1952
18	10	1909/10 2. 3				7559	1507	
		IX - III						

Вкл. 828

100

104

сталъ его жевать. Затѣмъ ему предложили сухого сѣна, онъ пожевалъ и его, и съ тѣхъ поръ я зналъ уже, чѣмъ его кормить.

Заяцъ скоро оправился совсѣмъ и сталъ уже бѣгать по всему нашему дому. Онъ до такой степени привыкъ ко всѣмъ намъ, что сталъ подходить къ намъ по нашему зову и брать сѣно прямо изъ нашихъ рукъ. Въ общемъ онъ продолжалъ еще оставаться трусишкой и то и дѣло громко постукивалъ задними лапами о полъ, что означало страхъ или недовольство. Одинъ разъ мы не доглядѣли и пустили собаку въ домъ. Завидѣвъ зайца, она бросилась за нимъ, онъ прыгнулъ отъ нея въ сторону, затѣмъ подъ диванъ, она тоже кинулась за нимъ подъ диванъ и здѣсь заяцъ такъ громко и пронзительно крикнулъ отъ страха, что можно было подумать, что это взвизгнулъ ребенокъ. Мы прогнали собаку и заяцъ еще долго дрожалъ всѣмъ тѣломъ отъ испуга и шевелилъ ноздрями.

У насъ была морская свинка. Она бѣгала вдоль стѣнъ всѣхъ комнатъ и часто рвала на нихъ обои. Мы давно уже собирались отдѣлаться отъ нея, да жаль было выбрасывать ее на зимнюю стужу и мы ожидали весны, чтобы выпустить ее на волю. Когда у насъ появился заяцъ, то свинка подошла къ нему, обнюхала его со всѣхъ сторонъ, заяцъ поднялъ уши, поглядѣлъ на нее и съ тѣхъ поръ они стали друзьями. Если шелъ

куда-нибудь заяцъ, то непременно всюду за нимъ слѣдовала и морская свинка. Спали они всегда вмѣстѣ, причѣмъ морская свинка всегда плотно прижималась къ зайцу, или же старалась подъ него подлѣзть, какъ это дѣлаютъ цыплята, когда хотятъ погрѣться подъ насѣдкой. И заяцъ нисколько ей не мѣшалъ. Обыкновенно оба они проводили въ дремотѣ цѣлый день, пока было свѣтло, и начинали свою возню съ наступленіемъ сумерекъ и всю ночь бродили изъ комнаты въ комнату и изъ угла въ уголъ. Иногда они начинали играть: заяцъ становился на заднія лапы, дѣлалъ уморительные прыжки, а морская свинка бѣгала вокругъ него и старалась на него нападать. Когда они играли, они были очень милы и рѣзвы и было очень весело на нихъ глядѣть.

Однажды ночью я услышалъ большую возню. Чтобы заяцъ и морская свинка не грызли по ночамъ мебели и не портили нашихъ сапогъ, мы стали запираеть ихъ въ клѣтку, изъ которой выпускали ихъ каждое утро. Въ эту клѣтку мы клали имъ сѣна и овса, чтобы они могли поѣсть, когда захотятъ. И вотъ повадилась ходить къ нимъ изъ-подъ-полу мышь и поѣдать ихъ овесъ. Сначала заяцъ отгонялъ ее задними лапами и боязливо фыркалъ, но мышь становилась все нахальнѣе и смѣлѣе, и кончилось дѣло тѣмъ, что въ одну ночь заяцъ ухватилъ ее зубами поперекъ тѣла и сталъ ее трепать. Мышь пищала,

заяцъ стучаль задними ногами и продолжалъ ее трепать, пока наконецъ я не отбилъ ее у него и не выбросилъ за окошко въ открытую форточку. Конечно, мышъ обрадовалась свободѣ и убѣжала. Такую же точно возню мой заяцъ поднялъ и тогда, когда Григорій поймалъ гдѣ-то молоденькаго зайченка и принесъ его ко мнѣ.

— Вотъ вамъ, баринъ, и еще одинъ косою! сказалъ онъ.—Пуцай живутъ вмѣстѣ, имъ веселѣе будетъ!

Это было подъ вечеръ и мы посадили къ моему зайцу въ клѣтку и зайченка. Каково же было мое удивленіе, когда мой заяцъ набросился на гостя и сталъ положительно его одолевать. Бѣдный зайченокъ забился въ уголокъ, а старыи заяцъ подкакивалъ къ нему, сталъ поражать его задними ногами и кусать. Пришлось обоимъ, и зайца, и зайченка, разъединить, а на утро я положилъ каждаго изъ нихъ въ мѣшки изъ-подъ крупчатой муки, вышелъ въ поле и выпустилъ ихъ на свободу.

— Бѣгите, куда знаете!.. сказалъ я имъ.—Очень ужъ вы безпокойны въ неволѣ!

Они разбѣжались въ разныя стороны и съ тѣхъ поръ я ихъ больше не видалъ.

По веснѣ была выпущена на свободу и морская свинка, но, кажется, это была ошибка, потому что въ первую минуту она не знала, куда бѣжать, и растерянно бросалась то туда, то сюда, пока наконецъ не скрылась

въ озимомъ полѣ совсѣмъ. Вѣроятно она вскорѣ погибла отъ хищной птицы или была съѣдена лисой. Но какова бы ни была ея судьба, я узналъ, что зайцы могутъ жить съ морскими свинками въ большой дружбѣ, тогда какъ не выносятъ мышей и даже ссорятся съ такими же зайцами, какъ и они сами. Я слышалъ, что въ неволѣ старыи зайцы даже убиваютъ молодыхъ.

На свободѣ заяцъ болѣе ночное животное, чѣмъ дневное. Только лѣтомъ онъ перебѣгаетъ съ мѣста на мѣсто до захода солнца, да развѣ еще утромъ, до десяти часовъ, его можно встрѣтить бѣгуцимъ къ своему логовищу, гдѣ онъ будетъ дремать весь день. Добѣжавъ до своей норки, заяцъ не сразу ложится въ нее, а пробѣгаетъ нѣкоторое разстояніе дальше ея, затѣмъ возвращается обратно, снова дѣлаетъ нѣсколько скачковъ впередъ, потомъ скачетъ вправо, влево и затѣмъ уже однимъ большимъ прыжкомъ попадаетъ въ норку. Норка сдѣлана не хитро. Онъ роетъ ее прямо на открытомъ полѣ, иногда даже и не норкой, а просто канавкой, въ которую онъ ложится, поджавъ подъ себя заднія ноги и положивъ на вытянутыя переднія лапки голову съ плотно прижатыми къ спинѣ ушами. Очень далеко отъ этой норки заяцъ обыкновенно не убѣгаетъ, такъ какъ любитъ свою родину и очень неохотно покидаетъ то мѣсто, гдѣ его воспитала мать. Къ зимѣ заяцъ устраивается потеплѣе: онъ углубляетъ свою нору настолько, что

можетъ помѣститься въ ней уже цѣликомъ и когда выпадаетъ снѣгъ, то часто засыпаетъ въ ней и его. Онъ это очень любитъ и когда проходитъ буря, онъ выползаетъ изъ-подъ снѣга на воздухъ и, едва только наступаетъ темнота, отправляется въ лѣсъ или въ ближайшій садъ глотать съ деревьевъ кору. Запасовъ на зиму онъ себѣ не заготовляетъ. Все лѣто онъ питается травой, забирается въ засѣянные поля и тамъ поѣдаетъ овесъ, а если по близости имѣется огородъ, то онъ не прочь бываетъ полакомиться въ немъ капустой, рѣпкой и морковью, чего не очень долюбливаетъ, когда попадаетъ въ неволю. Всю ночь заяцъ отыскиваетъ себѣ пищу, а едва только восходитъ солнце, какъ онъ выходитъ на какую-нибудь поляну и здѣсь вмѣстѣ съ другими зайцами начинаетъ играть. Здѣсь они бѣгаютъ колесомъ, кувыркаются, ходятъ на заднихъ лапкахъ и вообще дѣлаютъ уморительныя штуки, которыя часто заставляютъ ихъ настолько увлекаться, что они даже и не замѣчаютъ среди игръ, какъ къ нимъ подкрадываются охотникъ или лиса. Завидѣвъ ихъ уже близко, зайцы бросаются въ разныя стороны бѣжать и убѣгаютъ такъ быстро, что только хорошая собака можетъ ихъ догнать. При этомъ заяцъ убѣгаетъ отъ преслѣдующаго его врага, стараясь его перехитрить или одурачить: онъ то остановится сразу, такъ что собака пролетитъ мимо него, то бѣжитъ пе-

редь нею петлями и зигзагами, которыхъ она не можетъ предвидѣть. Спасаясь отъ преслѣдованія, онъ, сломя голову, пробѣгаетъ черезъ стадо овецъ, черезъ дворъ усадьбы, однимъ словомъ черезъ все, что попадаетъ ему на пути. Если ему преграждаетъ путь рѣка, то онъ бросается въ нее и переплываетъ ее, если она не особенно широка, или же погибаетъ въ ней, если переплыть ее у него не хватитъ силъ. Но какъ бы то ни было, кто бы ни гнался за зайцемъ, онъ никогда не вступаетъ со своимъ преслѣдователемъ въ бой и только старается отъ него спастись бѣгствомъ. И чѣмъ ровнѣе мѣстность, тѣмъ заяцъ бѣжитъ быстрѣе: съ горы онъ катится кувыркою, а на гору взбирается неуклюжими прыжками. Кажется, во всей природѣ нѣтъ другого такого животнаго, какъ заяцъ, у котораго было бы столько враговъ. Сорока, ворона, лисица, волкъ, орелъ, коршунъ, собака, сова, ястребъ и даже наша домашняя кошка—всѣ не прочь полакомиться имъ и устраиваютъ на него охоты. Случается, что у взрослога зайца находятъ въ спинѣ заросшія когти совы. Въ первую минуту это кажется даже удивительнымъ; какимъ образомъ когти совы могутъ оказаться подъ шкурою у зайца? Объясняется же это очень просто. Сова схватываетъ зайца обыкновенно одной ногой и втискиваетъ въ него свои когти. Отъ боли заяцъ вскрикиваетъ и пускается бѣжать, унося

на себѣ и сову. По дорогѣ сова другой лапкой схватывается за первый попавшійся кустъ, чтобы удержать зайца, но онъ вырывается отъ нея, унося вмѣстѣ съ собою и ея ногти, которыми она впивалась въ его спину.

Заяцъ выводитъ дѣтей четыре раза въ годъ, обыкновенно одного и не болѣе четырехъ дѣтенышей. Зайчата появляются на свѣтъ уже зрячими и тотчасъ же начинаютъ бѣгать вокругъ своей матери. Мать воспитываетъ ихъ только одну недѣлю и затѣмъ предоставляетъ имъ полную свободу, только иногда появляясь около нихъ, чтобы ихъ покормить. Прийдя къ норкѣ, она вызываетъ ихъ хлопаньемъ ушей и даетъ имъ пососать. Насытивъ ихъ, она опять уходитъ. И если въ это время на нихъ напа-

даетъ какой-нибудь хищный звѣрь или птица, то мать бросаетъ свой выводокъ на произволъ судьбы и старается убѣжать. Конечно, выводокъ въ такихъ случаяхъ погибаетъ. Но зато бываютъ случаи, когда братья-зайцы не оставляютъ другъ друга: если убѣгаетъ одинъ, то вслѣдъ за нимъ мчится и другой, если погибаетъ одинъ, то покорно гибнетъ и другой, и только черезъ годъ или мѣсяцевъ черезъ пятнадцать братья становятся между собой чужими и каждый вырываетъ для себя отдѣльную норку и начинаетъ жить своей отдѣльной, обособленной жизнью.

Часты случаи, когда у зайцевъ находятъ два языка. Кажется, это единственное животное въ свѣтѣ, у котораго бываетъ такая уродливость.

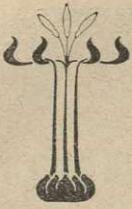
С. Вершининъ.

ГЛУБОКАЯ ОСЕНЬ.

А дождь все льетъ и льетъ!.. Печальный и угрюмый
Глядитъ въ окно деревьевъ темный
Поникъ вѣтвями старый садъ, [рядъ,
Какъ будто скованъ тяжелой думой,
И хмуро сѣрый неба сводъ
Повисъ... А дождь все льетъ и льетъ!..
Онъ хлещетъ мутными струями
Въ стекло закрытаго окна...
Какъ скоро свѣтлая весна
Прошла! Какъ быстро пролетѣла
Пора весенняго тепла,
Когда черемуха цвѣла,

Когда такъ ярко зеленѣли
Въ лѣсу орѣшниковъ кусты
И на вѣтвяхъ, среди листвы,
Такъ звонко, звонко птички пѣли!
Какъ вѣрить хочется, что вновь
Весна цвѣтистая вернется
И послѣ долгихъ, зимнихъ сновъ
Природа радостно проснется,
Что вновь заблещетъ солнце мая
И, нѣжный запахъ разливая,
Въ аллеяхъ пышно расцвѣтетъ
Сирень... А дождь все льетъ и льетъ!..

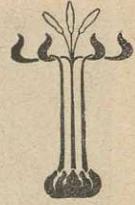
Е. Селунская.



НА ЗАРЬ НОВОЙ ЖИЗНИ.

Историческая повѣсть.

(По Ben-Hur, by Lew. Wallace).



I.

Горный хребетъ похожъ на гусеницу, ползущую съ сѣвера на югъ. Когда взберешься на него, то видишь предъ собою одну только голую Аравійскую пустыню, по которой свободно гуляютъ вѣтры. Внизу тянется дорога, когда-то содержавшаяся въ большомъ порядкѣ, а теперь заброшенная, пыльная и вся покрытая рытвинами и оврагами. Во время дождей эти рытвины и овраги превращаются въ ручьи, которые катятъ свои мутныя воды на сѣверъ, пока наконецъ не попадаютъ въ Мертвое море и далѣе въ Иорданъ.

Изъ-за одной изъ такихъ рытвинъ показался путешественникъ. Онъ ѣхалъ на прекрасномъ бѣломъ верблюдѣ. Широкая борода, спускавшаяся ему на грудь, была съ просѣдью. По его глазамъ и цвѣту лица можно было судить, что онъ былъ египтянинъ. Онъ сидѣлъ на своемъ верблюдѣ и пристально вглядывался въ пространство.

День склонялся къ вечеру. Впереди опускалось солнце и со всѣхъ сторонъ широко разстилалась пустыня. Путникъ долго ѣдетъ по дорогѣ, а затѣмъ сворачиваетъ съ нея, его верблюдъ то замедляетъ, то ускоряетъ свои шаги;

широкими ноздрями онъ жадно вдыхаетъ въ себя воздухъ. Палатка, въ которой сидитъ путникъ, покачивается на его спинѣ, поднимаясь и опускаясь, точно челнокъ на волнахъ. Изрѣдка лисица или гиена поднимаются и убѣгаютъ, чтобы издали поглядѣть на невиданныхъ гостей. Направо поднимается горный хребетъ и сѣрый туманъ окутываетъ его и окрашиваетъ горы въ грязно-розовый цвѣтъ. Надъ головою высоко паритъ орелъ, широко разставивъ свои крылья. Но путникъ не замѣчаетъ ничего вокругъ себя и только глядитъ въ одну точку.

Но вотъ верблюдъ останавливается и издаетъ свой особенный, жалостный крикъ. Тогда его хозяинъ откидываетъ занавѣсъ палатки, оглядывается вокругъ и долго изучаетъ мѣстность, туда-ли онъ попалъ. Затѣмъ онъ складываетъ руки на груди и начинаетъ молиться.

— Опускайся, мой верблюдъ! — говоритъ онъ, окончивъ молитву. — Здѣсь должны мы ожидать.

Поворчавши, животное тихо опускается на колѣни и вытягиваетъ шею.

Путникъ ступаетъ ему на шею и сходитъ на землю. Онъ беретъ ма-



Сытый и голодный.



Цыплятки.

ленькій кувшинчикъ съ водой и губку и промываетъ верблюду ноздри и глаза. Этому требуетъ обычай. Затѣмъ онъ снимаетъ съ него выюкъ, разворачиваетъ его и дѣлаетъ изъ него себѣ палатку. Онъ устилаетъ ее ковромъ, раскладываетъ въ ней свои вещи, насыпаетъ въ мѣшокъ бобовъ и выходитъ съ нимъ къ верблюду.

— Ышь, мой товарищъ!—говоритъ онъ и вѣшаетъ ему на голову мѣшокъ.—Мы съ тобой далеко отъ дома, подкрѣпись и ты. Я не знаю, сколько времени намъ придется здѣсь ожидать. Но они придутъ. Тотъ, кто указываетъ мнѣ дорогу, укажетъ и имъ.

Но что это тамъ вдали чернѣется на горизонтѣ?

Путникъ останавливается, прикладываетъ руку къ глазамъ и начинаетъ глядѣть. Темная точка все растетъ и растетъ, все подвигается ближе и ближе. Еще немного и вотъ уже ясно виденъ другой бѣлый великолѣпный верблюдъ съ такими носилками на спинѣ, какія обыкновенно употребляются въ Индостанѣ. Въ нихъ сидитъ другой незнакомецъ и тоже пристально вглядывается вдаль. Увидѣвъ раскинутую палатку и верблюда, мирно жующаго бобы, онъ подъѣзжаетъ къ нимъ, сдерживаетъ своего верблюда и останавливается около перваго незнакомца.

— Миръ тебѣ!—говоритъ онъ ему.

— Миръ и тебѣ!—отвѣчаетъ египтянинъ.

Новый пришелецъ—высокаго роста и худощавый. На головѣ у него индійскій тюрбанъ и сложенная широкими складками шаль ниспадаетъ съ плечъ до земли. Его ноги обуты въ красныя туфли съ загнутыми кверху остроконечными носками и пышные шаровары спускаются прямо отъ пояса до пятъ. Онъ—индусъ. Оба незнакомца долго смотрятъ другъ на друга, а затѣмъ индусъ указываетъ на сѣверъ и говоритъ:

— А вонъ ѣдетъ и третій!

Египтянинъ глядитъ по указанному направленію и видитъ третьяго верблюда, такого-же бѣлаго, какъ и у нихъ. Они ожидаютъ его оба до тѣхъ поръ, пока новый пришелецъ совсѣмъ не подъѣхалъ, не слѣзъ съ верблюда и не направился къ нимъ на встрѣчу.

— Миръ тебѣ, братъ мой!—обратился онъ къ индусу.

— И тебѣ также,—отвѣтилъ ему индусъ.

Новый пришелецъ совсѣмъ не походилъ на двухъ первыхъ: онъ былъ тонокъ и строенъ, цвѣтъ лица у него былъ бѣлый и густые волнистые волосы украшали его красивую голову. Подъ складками его плаща виднѣлся легкій костюмъ безъ рукавовъ и ноги его были обуты въ сандалии. Онъ былъ родомъ грекъ. Подоровавшись съ индусомъ, онъ подошелъ къ египтянину и протянулъ ему руку?

— Привѣтъ и тебѣ, мой братъ!—сказалъ онъ.

Египтянинъ удержалъ его руку въ своей, взялъ другою рукою за руку индуса и повелъ ихъ къ своей палаткѣ.

— Я пріѣхалъ сюда первымъ,— сказалъ онъ,—поэтому я считаю себя вашимъ слугой. Палатка растянута и завтракъ готовъ. Позвольте-же мнѣ послужить вамъ.

Онъ ввелъ ихъ внутрь палатки, снялъ съ нихъ обувь, омылъ имъ по восточному обычаю ноги, далъ имъ умыться и усадилъ ихъ за трапезу на коверъ. Затѣмъ они всѣ трое склонили головы, скрестили на груди руки и въ одинъ голосъ, вслухъ, сказали:

— Господи, прими нашу благодарность и благослови насъ и далѣе творить волю Твою!

При этомъ они съ удивленіемъ поглядѣли другъ на друга. Всѣ они были разныхъ націй и вдругъ заговорили на какомъ-то новомъ, неизвѣстномъ для нихъ языкѣ, котораго они до сихъ поръ не знали, но который теперь отлично понимали всѣ трое. И души ихъ охватило волненіе.

— Это чудо!—сказали они.—Будемъ-же творить волю Бога!

Послѣ этого они поѣли и стали выслушивать другъ друга.

— То, что мнѣ нужно сказать вамъ, братья, началъ грекъ,—такъ необычайно, что я даже и не знаю, съ чего начать. Меня зовутъ Гаспаромъ, я родомъ изъ Аѳинъ. Родители мои учили меня съ дѣтства покло-

няться моимъ богамъ, но я зналъ, я чуюлъ сердцемъ, что наши боги вовсе не боги, а что есть единый Богъ, который управляетъ всѣмъ міромъ и нашими душами. Я искалъ Его всюду и нигдѣ не находилъ. Я звалъ на помощь, просилъ всѣхъ, чтобы мнѣ указали Его, но никто не отвѣтилъ на мои вопросы. Тогда въ отчаяніи я порвалъ со своимъ роднымъ городомъ и бѣжалъ изъ него. На моей родинѣ есть гора; называется она Олимпомъ. Говорятъ, что на ней живутъ наши греческіе боги, но я не вѣрилъ въ нихъ и потому, найдя тамъ для себя пещеру, поселился въ ней и сталъ размышлять. Вѣруя въ единого, невидимаго Бога, я просилъ Его сжалиться надо мной и научить меня Его познать. И вотъ однажды ночью, когда я сидѣлъ у входа своей пещеры, вдругъ я увидѣлъ на небѣ звѣзду. Она медленно поднималась, постепенно приближалась къ землѣ и остановилась наконецъ надъ входомъ въ мою пещеру. Весь свѣтъ ея падалъ мнѣ прямо въ лицо. Я пальницъ, впалъ въ забытѣе и затѣмъ заснулъ. И вдругъ я услышалъ голосъ:—«Вставай, Гаспаръ! Отправься въ путь! вмѣстѣ съ двумя другими, идущими съ противоположныхъ концовъ земли, ты увидишь Спасителя міра. Встань и иди имъ навстрѣчу!» Я проснулся, сбросилъ съ себя свои ветхія одежды, одѣлся по старому, сѣлъ на корабль и приплылъ въ Антиохію. Тамъ я купилъ верблюда



— Ышь, мой товарищъ! Мы съ тобой далеко отъ дома...

и поскакалъ на немъ, куда глядѣли его глаза. И вотъ я здѣсь.

Египтянинъ и индусъ взглянули другъ на друга.

— Теперь твоя очередь, обратился къ индусу египтянинъ. — Расскажи намъ и ты, какъ ты сюда попалъ и какъ встрѣтилъ здѣсь насъ.

Индусъ поклонился и снялъ съ себя тюрбанъ.

— Я родомъ изъ Индіи, — сказалъ онъ, — меня зовутъ Мельхіоръ. По своей вѣрѣ я браминъ. Но каково бы ни было наше вѣроисповѣданіе, я съ дѣтскихъ лѣтъ научился познавать, что главное въ нашей жизни — это любовь къ ближнему и что весь смыслъ, вся цѣль нашего земного существованія — это въ служеніи другимъ. На моей родинѣ есть ост-

ровъ Лагоръ. Онъ лежитъ при впадении нашей священной рѣки Ганга въ океанъ. Два раза въ годъ туда направляются наши индусы, чтобы омыться въ водахъ этой рѣки и омыть въ ней свои грѣхи. Когда я увидѣлъ, какъ они были бѣдны — эти вѣрующіе страдальцы, какъ они нуждались въ помощи другихъ, то моя любовь къ ближнему увеличилась еще болѣе и я рѣшился говорить о нихъ богачамъ. Я сталъ говорить о любви къ ближнему, я сталъ зывать о помощи къ этимъ несчастнымъ, но меня никто не слушалъ и меня отовсюду изгоняли. Наконецъ во всей Индіи не оставалось скоро такого угла, гдѣ я могъ бы найти безопасность. Тогда я сталъ искать уединенія. Пробираясь по ущельямъ

и по скаламъ, я добрался наконецъ до истоковъ Инда. Тамъ я укрылся отъ всѣхъ, поселился въ шалашѣ и сталъ молиться и ждать спокойной смерти. И вотъ однажды я прогуливался по берегамъ этой рѣки,—какъ вдругъ надъ водою забрезжилъ свѣтъ и появилась звѣзда. Она подвигалась прямо ко мнѣ и наконецъ остановилась у меня надъ головою. Ея яркость меня поразила. Я испугался и упалъ на землю. И вдругъ я услышалъ голосъ: «Встань, сынъ Индіи! Твоя любовь побѣдила. Съ двумя другими, которые придутъ съ отдаленныхъ концовъ земли, ты увидишь Спасителя міра и будешь свидѣтелемъ Его пришествія. Встань и иди имъ навстрѣчу!» Я всталъ, отправился въ городъ, купилъ себѣ вотъ этого верблюда и отправился въ путь. И вотъ я здѣсь.

Тогда сталъ говорить египтянинъ.

— Я—Валтасаръ, началъ онъ,—я родомъ изъ Египта. Подобно вамъ, мои братья, я тоже искалъ душою единого Бога и не зналъ, гдѣ Его

найти. Вокругъ меня были язычники и никто не могъ мнѣ Его указать. Тогда я удалился туда, гдѣ не было вовсе людей, гдѣ я могъ-бы молиться одинъ и гдѣ-бы никто изъ язычниковъ меня не стѣснялъ. Я удалился въ совершенно неизвѣданныя еще дебри Африки, вверхъ по Нилу. Тамъ есть гора, голубая, какъ небо. Утромъ она бросаетъ свою прохладную тѣнь на западъ. Водопады, бѣгущіе съ нея отъ таянія снѣга, наполняютъ собою озеро, пріютившееся у ея подошвы. Болѣе года прожилъ я у этой горы. Плодами пальмъ я кормилъ свое тѣло, а молитвами укрѣплялъ свой духъ. Однажды ночью я прогуливался въ пальмовой рощѣ по берегу озера. Вдругъ зеркальныя воды озера засвѣтились огоньками. Одинъ изъ нихъ былъ настолько блестящъ, что слѣпилъ мои глаза. Онъ поднялся отъ воды и остановился надъ моей головою такъ близко, что, казалось, можно было достать его рукой. Я испугался, палъ ницъ, и закрылъ руками лицо. И вдругъ кто-то мнѣ ска-



— Звѣзда! Звѣзда!

залъ: «Съ двумя другими людьми изъ отдаленнѣйшихъ частей свѣта ты увидишь Спасителя міра. Встань и иди имъ навстрѣчу. И когда вы достигнете Иерусалима, то спросите: — гдѣ здѣсь родившійся царь Іудеевъ? Ибо мы видѣли звѣзду его на востокъ и пришли поклониться ему». Я не могъ сомнѣваться, оставилъ свое озеро, спустился внизъ по рѣкѣ, купилъ себѣ верблюда и вотъ я здѣсь...

Наступило молчаніе. Всѣ трое поднялись затѣмъ съ ковра и вышли изъ палатки. Спокойствіе по-прежнему царило въ пустынѣ, наступалъ вечеръ и солнце садилось огромнымъ краснымъ кругомъ. Протянувъ свои длинныя шеи, верблюды спали.

Они разбудили ихъ, взошли на нихъ и молча отправились въ путь. Впереди ѣхалъ египтянинъ, за нимъ индусъ и позади всѣхъ покачивался на верблюдѣ грекъ. Взошла луна. И такъ какъ эти три высокія, бѣлыя фигуры быстро и безмолвно подвигались впередъ, то при лунномъ свѣтѣ они казались призраками. Какъ вдругъ надъ ихъ головами забрезжилъ огонекъ. Онъ росъ все больше и больше и вдругъ превратился въ большую звѣзду. Сердца ихъ забились, они вострепнулись и въ одинъ голосъ закричали:

— Звѣзда! Звѣзда!

II.

Передъ Виолеемскими воротами въ Иерусалимѣ была площадь и на ней, по случаю переписи всего народа,

была такая толпа, что негдѣ было упасть яблоку. Былъ третій часъ дня. Особенное вниманіе привлекала къ себѣ группа изъ мужчины, женщины и осла, прижавшаяся къ противоположной воротамъ стѣнѣ. Мужчина держалъ осла за поводъ, а другою рукою опирался на длинную палку. Онъ былъ лѣтъ шестидесяти и оглядывался по сторонамъ съ такимъ любопытствомъ, что въ немъ сразу-же можно было узнать провинціала. Осель мирно жевалъ брошенную ему траву, а сидѣвшая на немъ женщина, одѣтая въ совершенно закрывавшее ее шерстяное покрывало, изрѣдка, на одно мгновеніе, раздвигала это покрывало, чтобы тоже взглянуть на происходившее вокругъ нея, но дѣлала это такъ быстро, что ее нельзя было разглядѣть.

Къ мужчинѣ наконецъ подошелъ кто-то и спросилъ:

— Не ты-ли Іосифъ изъ Назарета?

— Да... отвѣчалъ Іосифъ.—А ты кто такой?—Ахъ, это ты, равви Самуиль?

Это былъ старинный знакомый Іосифа.

— Да будетъ тебѣ миръ! сказала Іосифъ.

— И тебѣ такъ-же! отвѣтилъ равви.

Равви Самуиль помолчалъ, а потомъ взглянулъ на женщину на ослѣ и добавилъ:—Миръ тебѣ и твоимъ!

Съ послѣдними словами онъ приложилъ руку къ груди и почтитель-

но поклонился женщинѣ. Она раздвинула покрывало и онъ увидалъ ея еще совсѣмъ молодое лицо.

— Куда-же вы теперь направляетесь? спросилъ равви.

— Въ Виѳлеемъ, отвѣтилъ Иосифъ. — Насилу добрались до Иерусалима, а теперь должны еще явиться въ Виѳлеемъ. Тамъ насъ запишутъ по мѣсту моей родины и опредѣлятъ причитающійся съ меня размѣръ подати.

— Значитъ, ты родился въ Виѳлеемѣ и теперь ѣдешь туда со своею дочерью?

Иосифъ нахмурился.

— Эта спутница мнѣ не дочь, отвѣтилъ онъ.

— Чѣмъ-же ты занимаешься въ Назаретѣ? продолжалъ словоохотливый равви.

— Я плотникъ, отвѣчалъ Иосифъ. — Строгаю и пилю и этимъ зарабатываю себѣ хлѣбъ.

Въ эту минуту покрывало отдернулось и на мгновеніе лицо женщины стало видно. Равви смотрѣлъ въ ея сторону и потому могъ разглядѣть рѣдкую красоту спутницы Иосифа.

— Какая красивая у тебя дочь, сказалъ онъ, понизивъ голосъ. — Какъ Божій ангелъ!..

— Она мнѣ не дочь, отвѣтилъ Иосифъ. — Она дочь Іоакима и Анны, о которыхъ ты вѣроятно слышалъ.

— Да, отвѣтилъ равви, — я зналъ ихъ. Они происходятъ по прямой линіи отъ самого царя Давида. Я съ ними былъ знакомъ.

— Теперь они уже умерли, а я вотъ обручился съ ней и везу ее вмѣстѣ съ собой на перепись въ Виѳлеемъ. Вѣдь нельзя-же сиротѣ оставаться одной!

— А какъ ее зовутъ?

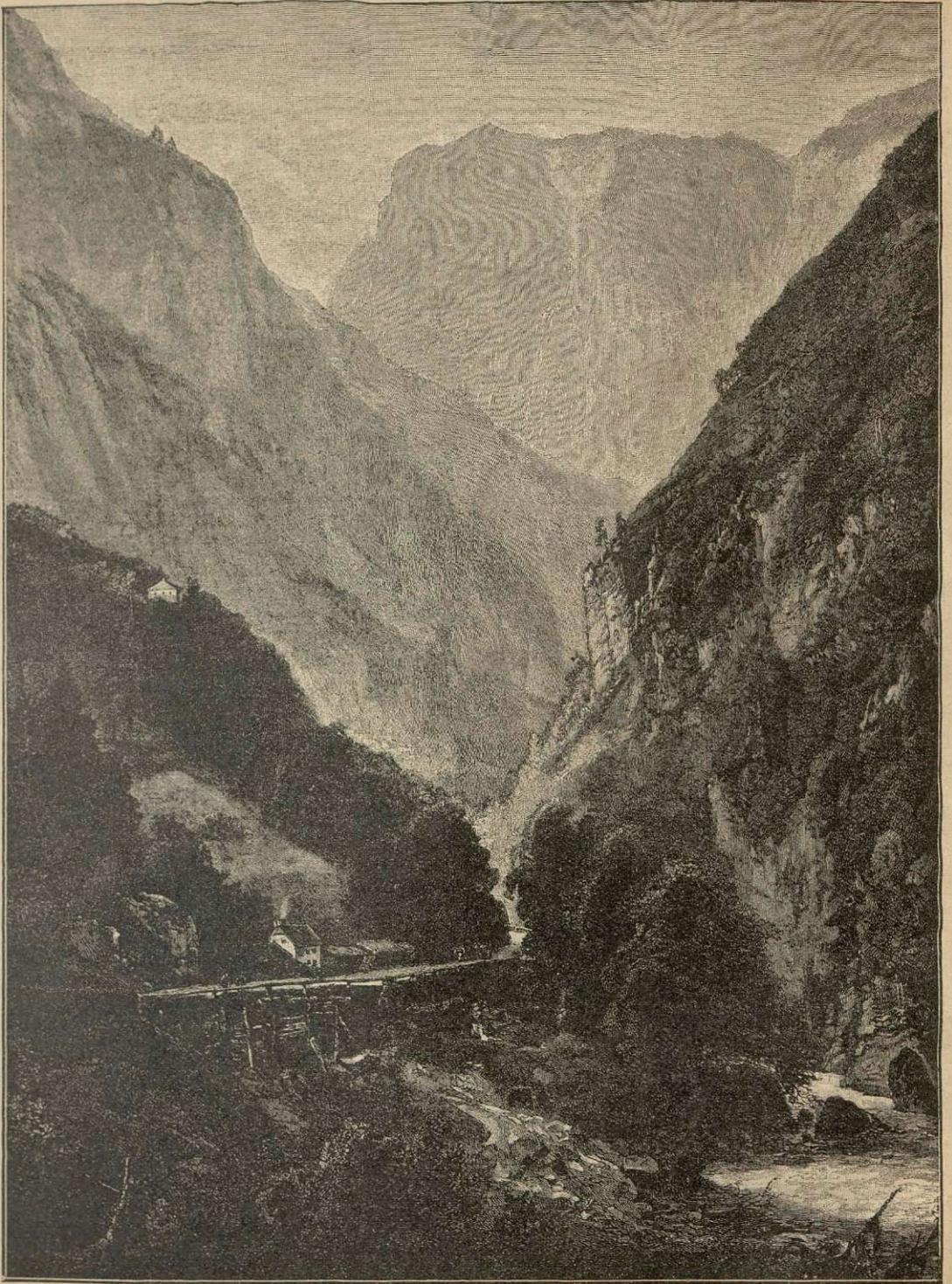
— Маріей...

— Такъ, такъ... Значитъ, оба вы родились въ Виѳлеемѣ и теперь римляне хотятъ васъ обоихъ включить въ перепись? Ну, желаю вамъ счастливаго пути! До свиданія!

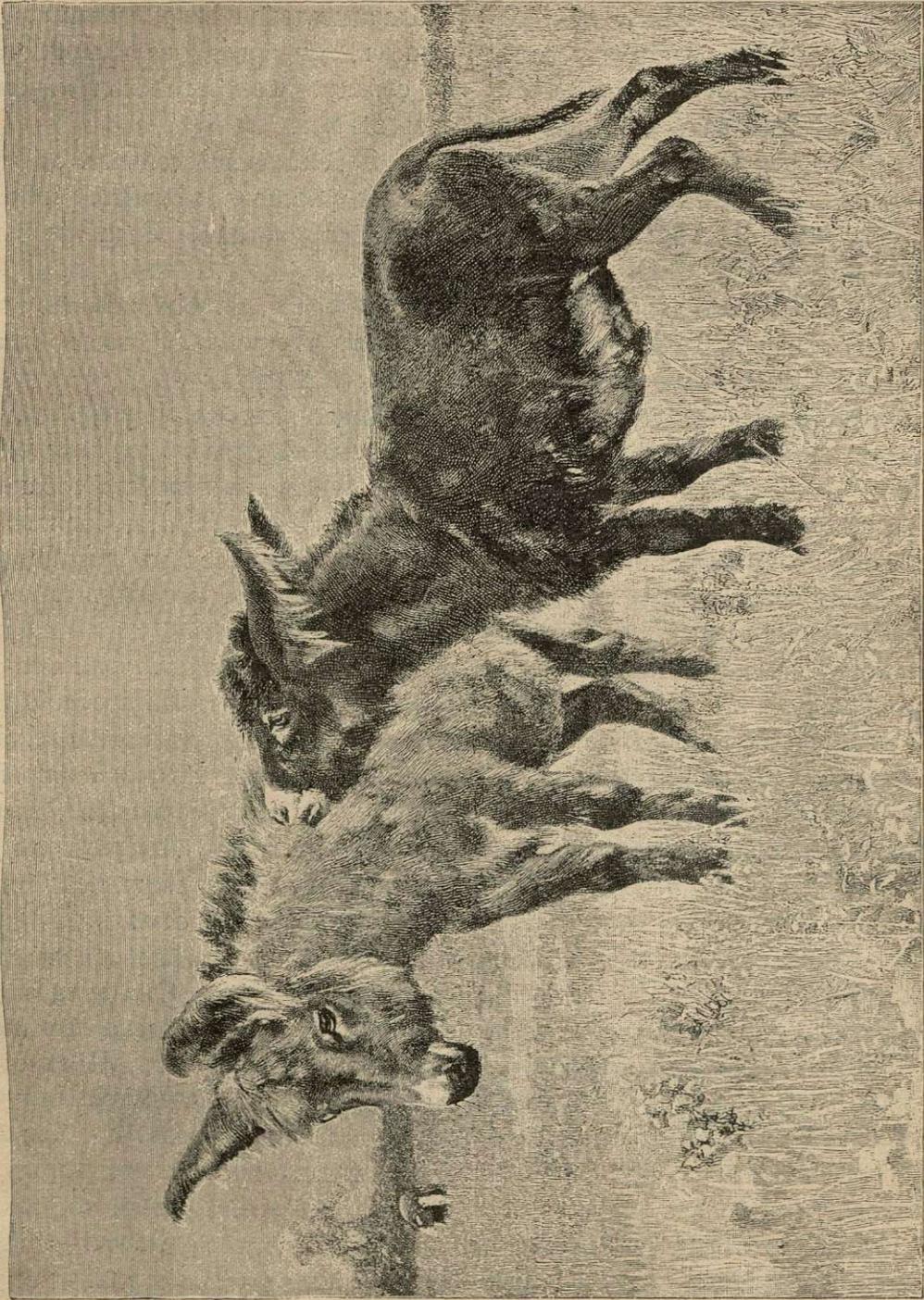
Съ этими словами онъ отвернулся и быстро ушелъ.

Черезъ часъ вся толпа получила разрѣшеніе итти домой и двинулась по дорогѣ къ Виѳлеему. Иосифъ, съ поводомъ въ рукахъ тоже послѣдовалъ вмѣстѣ съ нею и все время шелъ сбоку сидѣвшей на ослѣ женщины, съ нѣжностью заботясь объ ея удобствахъ. Ей казалось не болѣе 15-ти лѣтъ. Лицо ея было нѣсколько блѣдноватое и вся ея фигура выражала мягкость, нѣжность и кротость. Большіе голубые глаза отгнѣнялись полузакрытыми рѣсницами. Потокъ длинныхъ золотистыхъ волосъ, какъ у еврейскихъ невѣстъ, спадалъ по ея спинѣ и достигалъ сѣдла, на которомъ она сидѣла. Наружная красота ея лица дополнялась божественною прелестью его выраженія: она то и дѣло поднимала къ небу глаза и молилась. По временамъ Иосифъ оборачивался къ ней и, боясь нарушить ея молитвенное настроеніе, молчалъ.

Но вотъ ужъ вдаль передъ ни-



Въ Альпійскихъ горахъ.



Ослики.

ми показался Виолеемъ. Здѣсь, по приказу своего императора, они должны явиться къ властямъ, чтобы они внесли ихъ въ списокъ по мѣсту ихъ родины. Въ этомъ состояла перепись. Когда-же Іосифъ увидалъ, какая масса народа тоже подходит со всѣхъ сторонъ къ Виолеему, чтобы приписаться, то сомнѣніе стало закрадываться въ его душу: найдетъ-ли онъ помѣщеніе для Маріи? Остались-ли еще свободныя комнаты въ гостинницахъ и постоялахъ дворахъ? И нигдѣ не останавливаясь и не кланяясь никому изъ попадавшихся ему на пути старыхъ знакомыхъ, онъ подѣхалъ къ Виолеему и сталъ протискиваться сквозь толпу къ первой ближайшей гостинницѣ, находившейся за городскими воротами, почти у самага поля.

У двери стояла громадная толпа. Весь дворъ гостинницы былъ совершенно набитъ народомъ. Мужчины и мальчики пробивали дорогу своему скоту—лошадямъ и верблюдамъ и себѣ; одни спускались въ долину, другіе поднимались изъ нея и надъ всѣмъ этимъ стояли: гулъ голосовъ, ржаніе лошадей и ревъ верблюдовъ.

— Къ двери невозможно пробраться, обратился Іосифъ къ Маріи.— Остановимся здѣсь и узнаемъ, что тутъ произошло.

Не говоря ни слова, Марія отдернула покрывало. Выраженіе утомленія, появившееся было на ея лицѣ, быстро смѣнилось интересомъ къ окружающему. Тутъ были и нѣше-

ходы, и всадники на лошадяхъ, и продавцы хлѣба и вина, и толпы мальчишекъ, гонявшихся за цѣлыми стаями собакъ. Все двигалось и копошилось заразь.

— Я переговорю сейчасъ съ привратникомъ, сказалъ Іосифъ,—и скоро возвращусь назадъ. Подожди меня немного.

И передавъ Маріи поводъ, онъ сталъ протискиваться сквозь волнувавшуюся толпу.

Привратникъ сидѣлъ у воротъ. Позади него къ стѣнѣ было прислонено копые. Возлѣ него сидѣла собака.

— Нѣтъ-ли у васъ свободнаго помѣщенія? обратился къ нему Іосифъ.

— Все занято, отвѣчалъ привратникъ.

— Быть можетъ, ты слыхалъ обо мнѣ: я—Іосифъ изъ Назарета. Этотъ самый домъ когда-то принадлежалъ моимъ предкамъ. Вѣдь я по прямой линіи происхожу отъ царя Давида, а этомъ домъ, въ которомъ вы помѣстили вашу гостинницу, былъ когда-то построенъ имъ самимъ.

Іосифъ возлагалъ большія надежды на эти свои слова. Онъ думалъ, что его царское происхожденіе поможетъ ему найти себѣ пріютъ. И дѣйствительно, ссылка на такое знатное происхожденіе произвела большое впечатлѣніе.—Привратникъ всталъ съ мѣста и подошелъ ближе къ Іосифу.

— Прости, равви, сказалъ онъ, и приложилъ руку къ груди.—Все занято. Если тебѣ угодно послѣдовать за мною, то я проведу тебя и ты

самъ удостовѣришься, что мѣста нѣтъ, не только въ комнатахъ и на дворѣ, но даже и на крышѣ. Давно-ли вы прибыли?

— Только сейчасъ, отвѣтилъ Иосифъ.

Привратникъ улыбнулся.

— А тутъ уже дожидаются со вчерашняго дня! воскликнулъ онъ.— Кому же отдать предпочтеніе: тебѣ или имъ?

На мгновеніе выраженіе лица Иосифа измѣнилось, глаза опустились, онъ вздохнулъ и мягко сказалъ:

— Я не о себѣ хлопочу, но со мной Марія, а ночи сейчасъ холодныя. Ей нельзя ночевать подъ открытымъ небомъ... Быть можетъ, въ самомъ городѣ найдется помѣщеніе?

— Говорятъ, что и въ городѣ всѣ мѣста тоже биткомъ набиты, отвѣтилъ привратникъ.— Да это и понятно вполне, потому что завтра будетъ перепись, всѣ должны явиться на мѣсто своей родины. Таковъ ужъ приказъ нашего императора!

Иосифъ сдѣлалъ еще одну попытку.

— Она такъ молода... сказалъ онъ какъ бы про себя.— Если ей придется ночевать подъ открытымъ небомъ, то холодъ убьетъ ее!

Глаза привратника въ раздумьи смотрѣли въ землю. Вдругъ онъ поднялъ голову.

— Ладно, сказалъ онъ.— Вы не будете спать на открытомъ воздухѣ. Приводи скорѣе твоихъ, а то солнце уже заходитъ и сразу наступятъ холодъ и темнота!

Иосифъ радостно возвратился къ Маріи, взявъ поводъ и пригласилъ ее слѣдовать за собой. У воротъ гостиницы привратникъ взялъ отъ Иосифа осла и черезъ широкой, мощный камнемъ дворъ вывелъ путешественниковъ къ сѣрому известковому утесу, около котораго стояла гостиница. Въ немъ была вырыта пещера. Проводникъ замедлилъ шагъ.

— Эта пещера, указалъ онъ Маріи,—вырыта еще вашимъ предкомъ, царемъ Давидомъ. Въ нее онъ когда-то загонялъ свои стада. Съ тѣхъ поръ и ясли въ ней остались нетронутыми. Вы помѣститесь на ночь въ ней, а это все же лучше, чѣмъ спать подъ открытымъ небомъ!

Подойдя къ дверямъ въ пещеру, онъ отворилъ ихъ и сталъ къ сторуонѣ.

— Войдите! сказалъ онъ.

Иосифъ и Марія вошли и изумились. Свѣтъ изъ отворенной двери падалъ на неровный полъ, освѣщая груды зерна и соломы, глиняной посуды и домашней утвари. Ясно было, что теперь эта пещера служила кладовою. Пыль и мякина покрывали полъ и толстымъ слоемъ лежали на паутинахъ, грязными нитями спускавшихся съ потолка.

— Будьте здѣсь, какъ дома, повторилъ привратникъ.— Распожайтесь всѣмъ, что здѣсь есть. Только будетъ ли вамъ здѣсь удобно?

— Это мѣсто священо, отвѣтила ему Марія.

— Ну, вотъ и хорошо! Такъ оста-

вайтесь здѣсь. Миръ да будетъ съ вами!

Оставивъ ихъ однихъ, онъ ушелъ. Они принялись устраиваться на ночь.

Около полуночи кто-то изъ спавшихъ на дворѣ, закричалъ:

— Что это за свѣтъ на небѣ? Проснитесь, братья, смотрите!

Многіе поднялись и вначалѣ не

щаль гостинницу и пещеру, что всѣ, вышедшіе наружу, могли увидѣть удивленіе, выражавшееся у каждаго на лицѣ.

Проходили минуты, а явленіе продолжалось, оставаясь на томъ-же мѣстѣ неподвижнымъ. Удивленіе смѣнилось благоговѣніемъ и страхомъ. Робкіе дрожали. Болѣе смѣлые говорили шопотомъ:



— Нѣтъ-ли у васъ свободнаго помѣщенія? обратился къ привратнику Іосифъ.

могли придти въ себя, но скоро сонъ отлетѣлъ и всѣ были поражены изумленіемъ. Движеніе охватило и дворъ, и гостинницу. Всѣ постояльцы высыпали наружу и стали глядѣть на небо.

И вотъ что они тамъ увидали: ко-сой лучъ свѣта падалъ съ высоты на землю. Онъ блисталъ сильнымъ розовымъ свѣтомъ и такъ ярко освѣ-

— Случалось ли вамъ когда-нибудь видѣть что-нибудь подобное?

— Быть можетъ, это падающая звѣзда?

— Когда звѣзда падаетъ, то потухаетъ.

— Я знаю, что это! Это пастухи зажгли за горою костеръ!

— Но вѣдь свѣтъ идетъ не снизу, а сверху! Это не костеръ! Развѣ вы

не видите, что это какая-то новая, громадная звѣзда?

Потомъ всѣ смолкли. Торжественность и таинственность явленія сковали всѣмъ уста и всѣ въ страхъ и благоговѣннн опустились на колѣни.

— Братья, вдругъ воскликнулъ одинъ бывший здѣсь почтенный еврей. — Это лѣстница, которую нашъ праотецъ Іаковъ видѣлъ во снѣ! Да будетъ благословенъ Богъ нашихъ отцовъ!

нихъ, который не спалъ, — небо горитъ!

Вдругъ свѣтъ сдѣлался нестерпимо ярокъ; всѣ закрыли глаза и опустились на колѣни; души ихъ наполнились ужасомъ, они, блѣдные, едва сознавая себя, пали ницъ и, вѣроятно умерли-бы отъ страха, если-бы чей-то голосъ не сказалъ имъ:

— Не бойтесь!

Они прислушались.



— Проснитесь, братья! Смотрите!

Въ это время было волненіе и среди пастуховъ въ полѣ.

— Вставайте, вставайте! раздались голоса.

Собаки вскочили и съ воемъ убѣжали.

Испуганный скотъ сбился въ кучу.

Бывшіе въ полѣ и пасшіе стада пастухи поднялись на ноги.

— Что такое? спросили они въ одинъ голосъ.

— Смотрите, кричалъ старшій изъ

— Не бойтесь, повторилъ голосъ. — Я возвѣщаю вамъ великую радость для всѣхъ людей.

Голосъ этотъ былъ мягкій и нѣжный, какъ музыка, и сладчайшей струйкой вливался къ нимъ въ души и вселилъ въ нихъ увѣренность. Они приподнялись съ колѣнъ и, поднявши взоры, увидѣли передъ собой человека въ одѣяніи нестерпимой бѣлизны; надъ плечами (у него видѣлись сложенные крылья; надъ его

головой сіяла яркая звѣзда и лицо его блистало божественной красотой.

Это былъ ангель.

— Сейчасъ родился въ Виолеемѣ Спаситель міра, сказалъ онъ имъ.— Отправьтесь туда и вы увидите младенца въ пеленахъ, лежащаго въ ясляхъ.

Озарявшій его свѣтъ вдругъ сдѣлался розовымъ и началъ мерцать и въ то же время вверху, на высотѣ, едва доступной человѣческимъ глазамъ, появились ангелы и послышалось пѣніе множества голосовъ:

«Слава въ вышнихъ Богу и на землѣ миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе».

Тогда провозвѣстникъ поднялъ свой взоръ кверху, взмахнулъ крыльями, поднялся отъ земли и исчезъ.

Когда пастухи пришли въ себя, то еще долго они молчали и съ недоумѣніемъ смотрѣли другъ на друга.

— Это архангелъ Гавріилъ! сказалъ наконецъ одинъ изъ нихъ.

Всѣ промолчали.

— Вѣдь въ Виолеемѣ, продолжалъ онъ,—только и есть одни ясли, что въ пещерѣ около старой гостинницы. Пойдемте туда!

— Пойдемте, братья! отвѣтили и другіе.—Пойдемте и посмотримъ, что тамъ дѣлается.

— А какъ-же наши стада?

— Богъ позаботится о нихъ. Поспѣшимъ!

И они бѣгомъ побѣжали къ пещерѣ.

Они обошли гору и черезъ гороль проникли къ воротамъ гостинницы, у которыхъ стоялъ привратникъ.

— Что вамъ нужно? спросилъ онъ ихъ.

— Мы видѣли и слышали сейчасъ знаменія на небѣ, отвѣтили они.

— И мы видѣли, но не слышали ничего, сказалъ имъ привратникъ.

— Дозволь намъ пройти къ пещерѣ!

— Идите!

— Пойдемъ и ты съ нами!

— Пойдемте!

Они прошли дворомъ и вошли въ пещеру.

— Миръ вамъ, сказалъ привратникъ вышедшему къ нимъ навстрѣчу Іосифу.—Вотъ эти люди видѣли и слышали какія-то знаменія и хотятъ видѣть Младенца.

Доброе лицо Іосифа выразило волненіе.

— Да, здѣсь есть Младенецъ... отвѣтилъ онъ.—Вотъ Онъ здѣсь въ ясляхъ...

И онъ повелъ ихъ къ яслямъ; въ нихъ дѣйствительно былъ ребенокъ. Принесли фонарь и пастухи въ молчаніи остановились возлѣ яслей.

— А гдѣ-же Его мать? спросилъ привратникъ.

— Вотъ она! отвѣтила одна изъ бывшихъ тутъ женщинъ и указала на Марію.

Пастухи упали на колѣни передъ яслями, поклонились Младенцу и, полные неизъяснимо-радостнаго чувства, пощѣловали полы одежды у Его

матери. Затѣмъ они отправились
обратно къ своимъ стадамъ. По до-
рогѣ они пѣли хоромъ то, что слы-
шали отъ ангеловъ:

«Слава въ вышнихъ Богу и на
землѣ миръ, въ человѣцѣхъ благо-
воленіе!»

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗИМНЯЯ КАРТИНКА.

Морозъ... Глядитъ съ небесъ луна,
Своей сия красотою,
И ярче кажется она
Чѣмъ раньше—лѣтомъ и весною.

Кругомъ бѣло, какой просторъ!
Деревья въ праздничномъ уборѣ,
Зима раскинула коверъ!
На крышахъ, вѣткахъ, на заборѣ,

Повсюду блески!.. Вдалекѣ
Темнѣютъ ели; и долины,
Какъ мягко взбитыя перины,
Пушисто стелются къ рѣкѣ.

Повсюду тишь... Далѣко слышны
Въ лѣсу удары топора

И все кругомъ такъ славно, пышно,
Что не ушелъ бы со двора.

И вотъ два зайчика трусливо
Вбѣгаютъ къ намъ въ фруктовый садъ.
Поводятъ ушками, глядятъ
И гложутъ яблони и сливы...

Но вдругъ изъ задняго двора
На нихъ затыкала Амишка...
Спасайтесь, зайцы! Ужъ пора!
И быстро прячутся воршишки.

И снова тишь... Лишь на селѣ
Звонарь звонитъ часы ночные...
Морозъ трещитъ и расписные
Узоры чертитъ на стеклѣ.

Кузнечикъ.





Армія злого принца уже стояла передъ стѣнами замка Чайной Розы.

БАБОЧКИ.

(Сказка).

Прекрасная принцесса по имени Чайная Роза жила со своей небольшой свитой во дворцѣ изъ бѣлаго мрамора среди прелестныхъ садовъ. По обычаю того счастливаго времени ея воспріемницами у колыбели было нѣсколько добрыхъ фей и, къ общему удовольствію, между ними не было злой, которая могла-бы пожелать ей несчастья.

Среди многочисленныхъ даровъ, которыми онѣ наградили ее, самымъ выдающимся была—сердечная доброта, тотъ самый чистый цвѣтокъ души, который дѣлаетъ даже самыхъ безобразныхъ уродовъ красивыми.

У принцессы Чайной Розы было до того нѣжное сердце, что она не могла выносить, если мучили какоенибудь животное. Благодаря этому, ея освѣщенные яркимъ солнцемъ, благоухавшіе и отливавшіе синевой,

пурпуромъ, золотомъ и аметистами сады служили любимымъ мѣстопробываніемъ для всевозможнаго рода бабочекъ.

Пажами у Чайной Розы были шесть малютокъ въ возрастѣ отъ пяти до десяти лѣтъ. Всѣ они были въ то же время и ея крестниками и воспитанниками и для всѣхъ ихъ она выбрала красивыя имена: Камелія, Бѣлая лилія, Нарциссъ, Одуванчикъ, Подснежникъ и Ландышъ. Было очень пріятно смотрѣть, когда они, всѣ шестеро, одѣтые въ бѣлый атласъ, въ шелковые чулочки, въ изящную обувь, въ коротенькіе плащи, съ завитыми свѣтлыми и темными кудрями, съ розовыми щечками и вздернутыми носиками, тѣснились вокругъ принцессы и несли попеременно ея длинный шлейфъ... Ландышъ, самый маленькій и младшій, идя въ свитѣ,



Сосѣдній принцъ присватался къ ней.

очень часто опустошалъ коробки конфетъ, которыми награждала его добрая принцесса. Если же ей приходилось случайно увидѣть, что кто нибудь изъ ея пажей поймалъ бабочку за крылышки, а бабочекъ было много и онѣ были такъ красивы и такъ довѣрчиво сажались на руку, то она сердилась. Приказавъ выпустить плѣнницу на свободу, она обращалась къ виновному съ такими словами:

— Какъ могъ ты, Ландышъ (или Камелія, Подсѣжникъ и т. д.), самъ почти тоже похожій на бабочку, лишить ее счастья и свободы?

— Принцесса, — бормоталъ въ свое оправданіе виноватый, опуская глазки, — мнѣ хотѣлось потрогать и по-

щупать ея черныя крылышки, посмотрѣть поближе на ея прекрасные цвѣта и затѣмъ отпустить ее на свободу...

— Ты отпустишь ее на свободу, а развѣ возвратишь ты ей легкій пушокъ, покрывающій ея крылышки? Взгляни, крылышки уже потеряли свою яркость и бабочка уже не такъ легка, какъ прежде, и летаетъ почти у самой земли. Ахъ, дѣти мои, берегите жизнь слабыхъ существъ, особенно же тѣхъ, жизнь которыхъ коротка. Будьте къ нимъ нѣжны и добры, не мучьте ихъ изъ любопытства и не терзайте изъ-за того только, что вамъ хочется ихъ поближе рассмотреть.

На глазахъ Чайной Розы показывались слезки, а маленькій пажъ, что-



— Какъ вы могли поступить такъ жестоко?

бы загладить свою вину, спѣшилъ попросить у бабочекъ извиненія.

А бабочки были очень чутки и отзывчивы. Однажды, когда у принцессы былъ большой приѣмъ на открытомъ воздухѣ и она вышла одѣтая просто и безъ драгоценностей, въ скромной прическѣ, бабочки слетѣлись къ ней со всѣхъ сторонъ и образовали вокругъ ея головки прелестную корону, а вокругъ шеи чудное ожерелье. Онѣ расположились на плечахъ принцессы, образовавъ изъ себя гирлянды на складкахъ ея платья, и сидѣли неподвижно до самаго конца торжественнаго приѣма. Это вызвало шопотъ всеобщаго удивленія и восторга.

Одинъ изъ сосѣдей принцессы Чайной Розы, красивый принцъ, почувствовалъ къ ней такое расположеніе, что рѣшилъ жениться на ней. Принцъ былъ молодъ, красивъ, но на лбу его виднѣлись складки, изобличавшія недобрый характеръ, а въ глазахъ свѣтилась жестокость. Но онъ сумѣлъ смягчить на этотъ разъ свои недостатки, для того, чтобы понравиться принцессѣ.

И онъ дѣйствительно понравился ей и скоро они стали женихомъ и невѣстой.

Рѣшено было отпраздновать свадьбу какъ можно скорѣе.

— Я хочу, чтобы глаза всѣхъ были ослѣплены отъ блеска и пышности нашей свадьбы, сказалъ Принцъ.

— А я желаю, чтобы сердца всѣхъ трепетали отъ радости, отвѣтила

принцесса, составляя списокъ тѣхъ лицъ, кому она хотѣла выдать подарокъ по случаю своей свадьбы.

Этотъ списокъ былъ длиннѣе шлейфа ея подвѣчнаго платья.

Однажды утромъ Чайная Роза, спускаясь по ступенькамъ своего марморнаго дворца, увидѣла принца, ожидавшаго ее въ бесѣдкѣ изъ розъ. Она улыбнулась и подошла къ нему. Но, по мѣрѣ того, какъ она приближалась къ нему, на ея лицѣ и миломъ личикѣ стало появляться выраженіе ужаса. На бархатной курткѣ принца трепетала крылышками наколотая на золотую булавку бабочка, окрашенная въ красный цвѣтъ съ черными полосами.

— Какъ вы могли поступить такъ жестоко?!—вспыхнула принцесса, указывая на трепетавшую отъ боли бабочку.

— Это я сдѣлалъ для того, чтобы понравиться вамъ,—отвѣтилъ онъ ей съ поклономъ.

— Какой вы злой!—проговорила она и, чувствуя, что силы оставляютъ ее, принуждена была опереться на своихъ пажей: бѣлую Лилию и Нарцисса.

Ей казалось, что на золотой булавкѣ изнываетъ отъ страданій ея собственное сердце.

На губахъ принца показалась насмѣшливая улыбка.

— А развѣ бабочки умѣютъ чувствовать? спросилъ онъ ее.

Принцесса была не въ силахъ оторвать прослезившихся глазъ отъ бабочки.

— По крайней мѣрѣ, хотъ прекратите ея страданія, сказала она.— Убейте ее!

— Уничтожить такое украшеніе?! Ни за что на свѣтѣ! Она мнѣ нравится тѣмъ, что еще шевелится, и я не промѣняю ее ни на какой бриліантъ! Я не промѣняю ее даже на слезинку изъ вашихъ прелестныхъ глазъ!

Чайная Роза увидѣла по лицу принца, что ему доставляетъ необычайное удовольствіе мучить животныхъ и слѣдить за тѣмъ, какъ медленно они умираютъ. Расположеніе, которое она питала къ нему до сихъ поръ, вдругъ сразу исчезло—и она почувствовала, что глубоко оскорблена.

— Принцъ, сказала она,—я благославляю судьбу за то, что она обручила всю жестокость вашего сердца еще до нашей свадьбы. Возьмите ваше обручальное кольцо обратно и сію же минуту уходите изъ моего дворца.

— Вы мнѣ отказываете изъ-за какого-то глупаго насѣкомаго! воскликнулъ принцъ и поблѣднѣлъ.—Вы не думаете о томъ, что говорите...

Но Чайная Роза сняла уже съ пальца обручальное кольцо, которое готово уже было на вѣки связать ее съ жестокимъ человѣкомъ, и бросила къ его ногамъ. Не сказавъ болѣе ни слова, она удалилась въ сопровожденіи своихъ пажей къ себѣ во дворецъ.

— Я этого такъ не оставлю, съ негодованіемъ крикнулъ ей вслѣдъ принцъ.—Я буду мстить!

И въ самомъ дѣлѣ, вернувшись въ свое государство, онъ немедленно же сталъ собирать войско и скоро двинулся съ нимъ въ походъ противъ Чайной Розы, надѣясь побѣдить ее, взять ее въ плѣнъ и разрушить ея мраморный дворецъ.

Не прошло нѣсколькихъ дней, какъ армія злого принца уже стояла передъ стѣнами, за которыми заперлась принцесса вмѣстѣ со своими защитниками. Сраженіе было дано, но, увы, прекрасный мраморный дворецъ, въ которомъ всегда царствовали одни лишь доброта и состраданіе, и гдѣ цвѣты пользовались большимъ почетомъ, чѣмъ оружіе, былъ все-таки взятъ непріателемъ и почти разрушенъ. Одинъ за другимъ падали отъ смертельныхъ ударовъ вѣрные слуги и защитники принцессы. Крики ярости нападавшихъ и вздохи скорби осажденныхъ перемѣшивались между собою. Кровь текла ручьями и, наконецъ, неистовая орда съ страшными воплями ворвалась въ пробитую въ стѣнѣ дыру и наполнила собою замокъ принцессы.

Чайная Роза до самаго конца поддерживала своимъ присутствіемъ своихъ подданныхъ, умиравшихъ за нее. Но ничто не помогло. Теперь принцъ ей отомститъ. Какъ теперь избѣжать его мести? Можетъ быть еще можно убѣжать—черезъ сады? Уже смеркается и можетъ быть ей еще удастся убѣжать въ темнотѣ? Но шумъ уже близокъ. Среди зарева пожара она уже различаетъ красные мундиры враже-

скихъ солдатъ, и ихъ свирѣпыя лица. Принцъ предводительствуетъ ими и идетъ впереди, размахивая окровавленной шпагой. Принцессой овладѣваетъ ужасъ, и, испустивъ слабый крикъ отчаянія и поручивъ себя покровительству добрыхъ фей, она падаетъ безъ чувствъ въ огромный кустъ розъ.

Но тутъ совершается чудо. Ея тѣло вдругъ становится легкимъ, какъ лучъ луны. Цѣлое облако ночныхъ бабочекъ, тѣхъ самыхъ, которыхъ она по вечерамъ оберегала, чтобы онѣ не обожгли своихъ крылышекъ на огнѣ,—слетается къ ней, поднимаетъ ее и уноситъ съ собою. Въ то время, какъ принцъ съ бѣшенными криками ищетъ ее повсюду, бабочки уже несутъ ее въ пространствѣ между планетъ и подлетаютъ съ нею къ ближайшимъ звѣздамъ.

Очнувшись и открывъ глаза, Чайная Роза видитъ себя окруженной яркимъ свѣтомъ и чувствуетъ вдругъ живѣйшую радость. Вокругъ нея цѣлая толпа маленькихъ созданий, одѣтыхъ въ бѣлые, голубые и нѣжно розовые костюмы.

— Гдѣ я? спрашиваетъ принцесса.

— Въ царствѣ бабочекъ,—слышатся со всѣхъ сторонъ нѣжные и пріятные голоса. — Такъ какъ ты проснулась, то мы проведемъ тебя къ нашему королю.

Маленькія прелестныя созданія окружаютъ толпою Чайную Розу и она въ одинъ мигъ видитъ себя уже у подножія трона изъ розъ, на кото-

ромъ сидитъ красивый молодой человекъ въ голубомъ, небснаго цвѣта костюмѣ, усыпанномъ драгоценными камнями. У него за спиною крылья, нѣжные, какъ мечта.

Онъ улыбается ей доброй и ласковой улыбкой и обращается къ ней со словами:

— Я приказалъ моимъ скромнымъ подданнымъ—ночнымъ бабочкамъ—поднять и перенести тебя сюда, чтобы избавить тебя отъ враговъ. Ты заслужила того, чтобы жить вмѣстѣ съ нами. Оглянись; тебя окружаютъ тѣ, кому ты когда-то спасла жизнь, потому что всѣ эти существа не кто иныя, какъ бабочки, когда-то летавшія въ садахъ...

Чайная Роза оглядывается по сторонамъ, и всюду встрѣчаетъ радостные и улыбающіеся глазки, которые глядятъ на нее съ благодарностью... И этотъ маленькій мірокъ существъ, одѣтыхъ въ яркія платья, напоминаетъ ей о ея пажахъ. Она не знаетъ, гдѣ они и что съ ними случилось. Глубокій вздохъ вырывается изъ ея груди.

— О чемъ ты грустишь? спрашиваетъ ее король.

— Государь, отвѣчаетъ она,—у меня въ моемъ дворцѣ было шесть пажей,—прелестныхъ созданий, которыхъ я любила отъ всей души... Я не знаю, гдѣ теперь они и живы ли они?

— Мы угадали твое желаніе и спасли и ихъ, отвѣтилъ ей король.

И всѣ шесть пажей предстали передъ своей принцессой.

Чайная Роза не безъ удовольствія увидѣла ихъ и они тотчасъ же приблизились къ ней и окружили ее со всѣхъ сторонъ.

— Они больше уже не покинутъ тебя, сказалъ король.—Только разъ въ годъ они должны будутъ превращаться въ бѣленькихъ бабочекъ и летать надъ землей.

— А до тѣхъ поръ? спросила принцесса.

— А до тѣхъ поръ они будутъ летать около тебя, пока наконецъ въ одинъ изъ лѣтнихъ дней я не прикажу имъ сѣсть въ гробикъ и умереть...

— Умереть? испугалась принцесса.

— Да... отвѣтилъ король,—но всего только на нѣсколько дней.—Этотъ гробикъ люди называютъ «куколками», но бабочки воскресаютъ въ нихъ и вылетаютъ изъ нихъ на воздухъ... Тогда онѣ прилетаютъ къ такимъ же Чайнымъ Розамъ, какъ и ты, и онѣ поятъ ихъ своею росой и даютъ имъ подъ своими листьями пріютъ.

Въ это время два служителя въ темныхъ бархатныхъ епанчахъ съ изображеніемъ мертвой головы на спинахъ приблизились къ трону и что-то шепнули королю.

Лицо его омрачилось печалью.

— Дѣлайте ваше дѣло, мои вѣрные Сфинксы¹⁾, сказалъ онъ имъ такъ же тихо.

¹⁾ Сфинксъ — бабочка съ изображеніемъ на тѣлцѣ мертвой головы.

Вслѣдъ за тѣмъ на носилкахъ изъ розовыхъ вѣтвей пронесли мимо тѣло прекраснаго молодого человѣка съ черными волосами и въ одеждѣ изъ пурпуроваго бархата. Въ груди у него все еще торчала та булавка, которою онъ былъ приколотъ къ платью принца.

Взволнованная Чайная Роза узнала въ немъ ту самую бабочку, за которую такъ ей хотѣлось заступиться.



... Въ груди у него все еще торчала булавка...

— О, милая Чайная Роза, вздохнулъ король,—это тотъ, котораго не могло спасти твое заступничество...

Похороны были великолѣпны. Убитаго погребли въ могилкѣ изъ цвѣтовъ и всю ее украсили лепестками розы.

А на слѣдующій день была отпразднована свадьба короля Бабочекъ и Чайной Розы. Свадьба была очень удачна, потому что соединились два существа съ такими нѣжными сердцами, какія бываютъ только у розъ и нѣжныхъ насѣкомыхъ.

А. Б.

ШУТОЧНЫЕ ВОПРОСЫ.

1) Почему воздушный шаръ не можетъ летать противъ вѣтра?

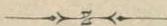
2) Почему крестьяне предпочитаютъ вывозить дрова изъ лѣса именно зимою, а не осенью?

3) Зачѣмъ въ игрушечныхъ магазинахъ выставляютъ на окнахъ игрушки?

4) Что пріятнѣе апельсина?

5) Можно ли съѣсть тарелку супу съ аппетитомъ?

6) Была жара; кусали мухи; на лугу паслись двѣ лошади; одна изъ нихъ была съ завязаннымъ хвостомъ. Какая изъ нихъ съѣла больше?



ГОЛОВОЛОМКИ.

I.

Задуманы слова, означающія:

- 1) То, чѣмъ моются.
- 2) Насѣкомое, которое больно жалить.
- 3) Ночную хищную птицу.
- 4) Домашняго грызуна.
- 5) То, что грѣетъ.
- 6) Большую длинноногую птицу, гнѣздящуюся на крышахъ.

Первыя буквы этихъ задуманныхъ словъ должны составить собою названіе большого города.

Какія это слова и какой городъ?

II.

Даны три слова, означающія:

- 1) Дерево съ душистыми цвѣтами.
- 2) Домашнее животное.
- 3) То, что грѣетъ.

Изъ первыхъ слоговъ этихъ словъ составить названіе гавани на одномъ изъ русскихъ морей.

III.

Задуманы названія трехъ городовъ:

- 1) Русскаго города на Уралѣ.
- 2) Русскаго города на Кавказѣ.
- 3) Французскаго города при морѣ.

Послѣдніе слоги этихъ трехъ названій должны образовать собою названіе раковины, употребляемой въ пищу.

IV.

Задуманы три слова, означающія:

- 1) Дѣтеныша домашней птицы.
- 2) То, безъ чего нельзя писать и читать.
- 3) Названіе короткой, но широкой русской рѣки.

Первый слогъ перваго слова, послѣдній слогъ втораго и первый третьяго должны составить собою названіе бродячаго народа.

Какія это слова и какой это народъ?

V.

Отъ каждой изъ слѣдующихъ фразъ взять по одному только слогу и составить изъ нихъ новую фразу, означающую историческое событіе время Петра В.

1) Полтавская губернія граничитъ съ Харьковской, Кіевской, Черниговской и Херсонской.

2) Каталаунская битва была между Аттилой, предводительствовавшимъ гуннами, и римскимъ полководцемъ Аэціемъ въ 451 г. по Р. Х.

3) Любовь къ роскоши и изнѣженности сдѣлала изъ Римской Имперіи слабое государство.

4) Мы любимъ наше отечество Россію.

5) Новгородцы гордились своей рѣкой Волховомъ, а Псковичи рѣкой Великой.

6) Только прогнавъ Вестъ-Готовъ за Пиренеи и овладѣвъ всей Галліей, Франкскій король Хлодвигъ сдѣлалъ нынѣшнюю Францію державой.

VI.

Названія какихъ фруктовъ заключаются въ слѣдующихъ фразахъ:

1) Клоунъ въ циркѣ взвизгнулъ и началъ игру шарами.

2) Мы принесли вашу палку, которую вы у насъ позабыли.

3) Я ухожу, а ты пригостишь, няня, кашку, чтобы покормить ея безъ меня ребенка!

4) На лягушекъ у насъ моръ; одинъ аистъ съѣлъ ихъ съ сотню.

5) Мы поймали нашу лошадь только на другой день въ чужомъ лѣсу.

6) Клубни картофеля дали ростки даже въ темнотѣ, лежа въ погребѣ.

7) Наша земля никакого удобренія не требуетъ; она очень плодородна.

8) Всѣ ухаживали за богатыми, а на насъ, бѣдняковъ, никто даже и вниманія не обратилъ.

VII.

Мужикъ вбилъ въ доску три гвоздя въ рядъ, одинъ гвоздь впереди, одинъ позади, одинъ между двумя и два по бокамъ одного.

Сколько гвоздей вбилъ мужикъ въ доску?

Рѣшеніе головоломкѣ, помѣщенныхъ въ № 24 журнала «Золотое Дѣтство» за прошлый годъ.

I. Колесо + перо + осока = сорока.

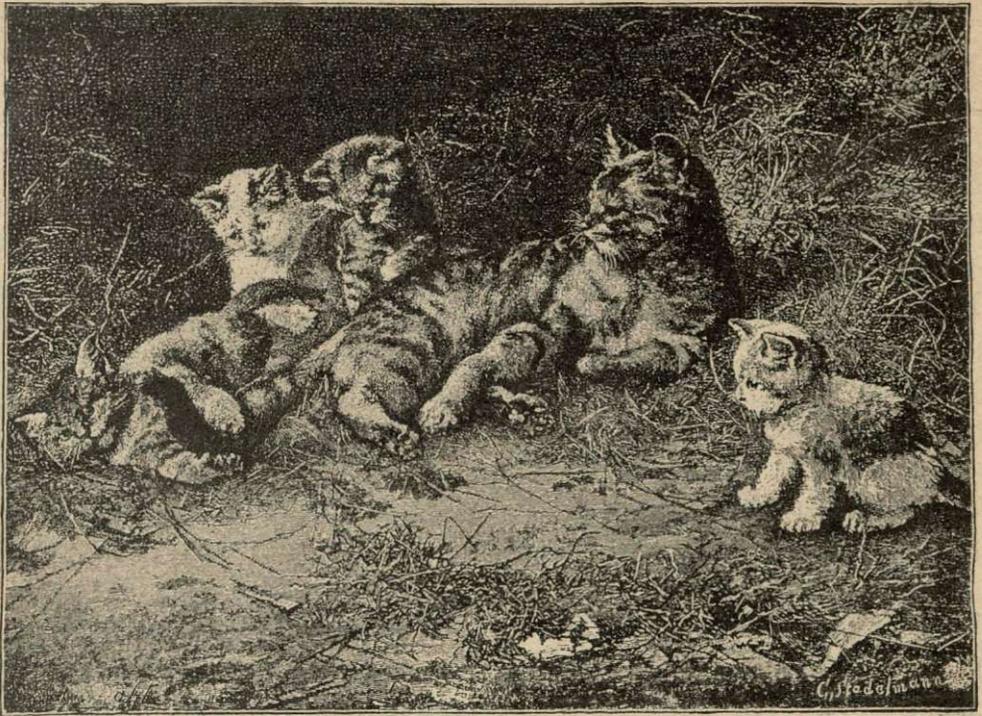
II. Пила, рубанокъ, топоръ, долото, аршинъ, коловоротъ, молотокъ.

III. Гвоздика, ромашка, роза, мимоза, олеандръ, піонъ, ирисъ, макъ.

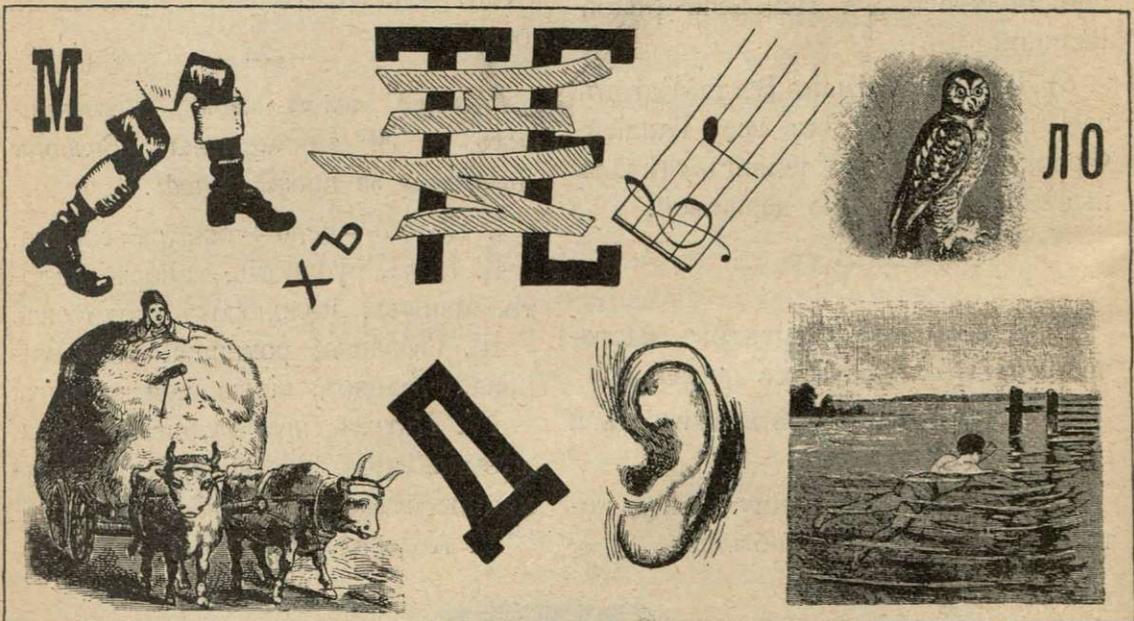
IV. Пѣтухъ, ива, рукавъ, азбука, музыка, изба, дрова, арбузъ. Задуманное слово — *Пирамида*.

V. Колесо, ребро, вакса = корова.

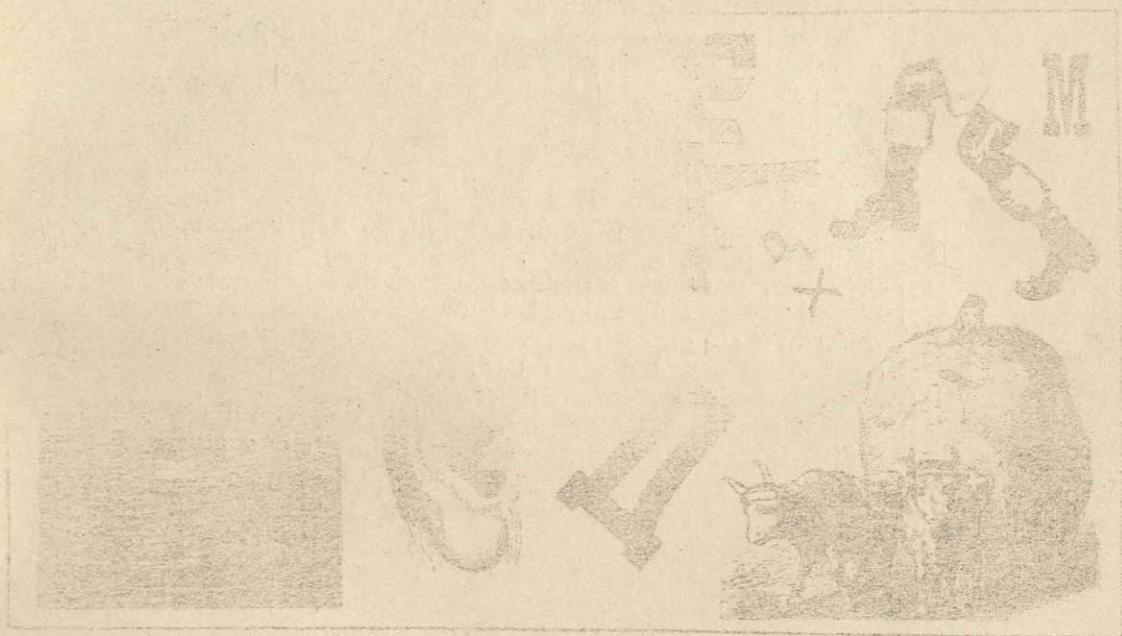
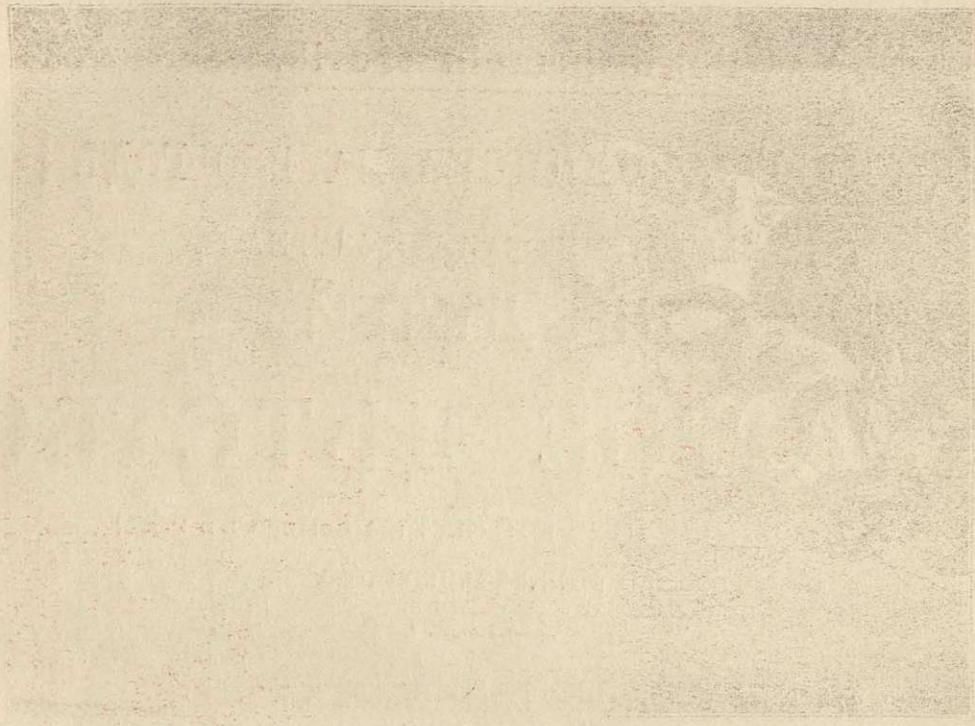




РЕБУСЪ № 1.



Фамиліи подписчиковъ, вѣрно разгадавшихъ шуточные вопросы, головоломки и ребусъ, будутъ напечатаны.



Фигуры, изображенные на рисунке, являются символами, употребляемыми в науке и искусстве.

Переводчик М. Н. Перов.

Издание А. С. Свободы. СПб. 1877.

Годъ изданія третій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1910 ГОДЪ

НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЬ

ДЛЯ ДѢТЕЙ

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

Выходитъ два раза въ мѣсяць (24 номера въ годъ)

подъ редакціей М. П. ЧЕХОВА

ПО СЛѢДУЮЩЕЙ ПРОГРАММѢ:

- 1) Повѣсти, рассказы, сказки, стихотворенія.
- 2) Путешествія.
- 3) Біографіи знаменитыхъ людей.
- 4) Статьи по естественной исторіи изъ жизни животныхъ, птицъ, насѣкомыхъ и растений.
- 5) Рассказы изъ жизни племенъ и народовъ.
- 6) Рассказы изъ жизни святыхъ.
- 7) Статьи по хозяйству и домоводству.
- 8) Игры и занятія.
- 9) Ноты для пѣнія и игры на фортепіано.
- 10) Каррикатуры и смѣшныя исторіи въ картинкахъ.
- 11) Загадки, ребусы, шарады.
- 12) Романы, повѣсти и рассказы изъ Русской исторіи.
- 13) 12 вырѣзныхъ выкроекъ для дѣтскихъ костюмовъ.
Каждая мать сможетъ одѣть по нимъ своего ребенка дома безъ помощи портнихи.
- 14) Картонажи для склеиванія и другія приложенія.
- 15) Смѣсь: различные рецепты, анекдоты, шутки и проч.
- 16) Почтовый ящикъ для переписки съ подписчиками.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: на годъ 3 р. 80 к.

Подписка принимается: въ **Конторъ** журнала „Золотое Дѣтство“, С.-Петербургъ, **Матвѣевская, 3**, уг. **Пушкарской**, и въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петербурга.

Подписной годъ съ 1-го ноября.

Редакторъ-Издатель М. П. Чеховъ.